

УДК 811.161.1:81'42
DOI: 10.17223/19986645/65/5

Г.Л. Денисова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В КАРИКАТУРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ

Выявляются сферы-источники прецедентных феноменов, используемых авторами карикатур Великой Отечественной войны, и их функции в карикатуре, которая рассматривается как тип креолизованного текста. Анализ функций прецедентных феноменов в карикатурах показывает, что прецедентные феномены являются элементами структур текста (референтной, темпоральной, локальной, модальной), и их использование дает возможность в емкой и лаконичной форме донести до адресата основную идею сообщения, передать его эмоционально-оценочную составляющую.

Ключевые слова: политическая карикатура, креолизованный текст, текстовые категории, прецедентный текст, сферы-источники прецедентных феноменов.

Постановка проблемы

Современная «лингвистика текста все в большей мере преобразуется в лингвистику семиотически осложненного текста» [1. С. 3], расширяется сфера исследования текстов, в которую вовлекаются тексты «смешанного типа» [2. С. 192]. К последним относятся «креолизованные тексты, в структурировании которых наряду с вербальными применяются и иконические средства» [1. С. 3]. Представляя собой сообщение, формирующееся единством вербальных и иконических средств, политическая карикатура относится к креолизованным текстам, остающимся «наименее изученными в лингвистике» [Там же].

Мы считаем, что характеристики карикатуры как креолизованного текста в большой степени обусловлены культурным контекстом, интертекстуальными связями текстов [2. С. 141–145], «предполагаемым» [3. С. 13], «общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [4. С. 7]. В этом отношении определению характеристик сообщений в форме политической карикатуры поспособствовало бы изучение функционирования прецедентных феноменов¹ в составе текстов данного типа, поэтому целью исследования стало

¹ Прецедентность как лингвистическая категория понимается как обращение к прошлому коммуникативному опыту и реализуется в использовании прецедентных феноменов, «которые известны любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входят в национальную когнитивную базу» [5. С. 174].

выявление сфер-источников прецедентных феноменов, к которым обращаются авторы в карикатурах Великой Отечественной войны, и определение функций прецедентных феноменов в данном типе сообщений.

Материал и методы исследования

Материалом для анализа стали 163 сообщения в форме политической карикатуры, созданные разными авторами в период Великой Отечественной войны¹. В качестве иллюстраций используются карикатуры Кукрыниксов², которые часто работали в соавторстве с поэтами своего времени, в частности с С.Я. Маршаком.

Рассматривая карикатуру как креолизованный текст, мы применяем в ходе ее анализа методы выявления текстовых структур вербального текста, а именно метод определения состава «текстовых сеток», разработанный Л.А. Ноздриной [6]. Значение лексических единиц определяется методами дефиниционного, семантического и контекстуального анализа.

Результаты исследования

Материал статьи представлен по сферам-источникам прецедентных феноменов, обнаруженных в сообщениях в форме политической карикатуры: история Отечества, русский песенный фонд, сфера-источник «Литература» с ее субсферами (сказки, басни, художественная проза).

История Отечества. Поиск прецедентных феноменов в составе сообщений в форме политической карикатуры Великой Отечественной войны выявил возможность апелляции к памяти об истории Отечества. К примеру, одна из карикатур 1941 г. (рис. 1), в которой Кукрыниксы предсказывают развитие событий после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, сопровождается надписью «*Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зазнавшимся Гитлером!*». Анализ, проведенный по методике выявления структур текста, разработанной Л.А. Ноздриной [6] с учетом особенностей представления категории времени в политической карикатуре [7], обнаружил в карикатуре два временных плана: план прошлого и план будущего.

В первой фразе подписи к карикатуре дается ретроспективная ссылка. План прошлого подтверждается формой прошедшего времени глагола, организующего высказывание. В позиции подлежащего употреблено имя собственное «*Наполеон*», которое традиционно включается в группу прецедентных имен.

¹ Выборка сделана из материалов, которые размещены на сайте www.davno.ru.

² Кукрыниксы – псевдоним по первым слогам фамилий творческого коллектива, в состав которого входили советские графики и живописцы, действительные члены АХ СССР (1947), народные художники СССР (1958): Куприянов Михаил Васильевич, Крылов Порфирий Никитич и Соколов Николай Александрович.

Рис. 1

В контексте противопоставления двух временных планов (прошлого и будущего) имя собственное «Наполеон» выполняет функцию косвенной ретроспективной ссылки, так как оно проецируется на конкретный отрезок в хронологии событий истории России: нападение наполеоновской армии на Россию (с июня по сентябрь 1812 г.) и ее всенародное изгнание (с октября по декабрь 1812 г.). Другими словами, прецедентное имя «Наполеон» является элементом темпоральной сетки сообщения, участвует в выражении категории времени в тексте. Ретроспективную ссылку дают и изобразительные элементы в пространстве карикатуры (тени, отбрасываемые персонажами карикатуры), которые вместе с именем собственным «Наполеон» в вербальной части сообщения входят в его темпоральную структуру. Абрис тени от тела Гитлера имеет портретное сходство с Бонапартом, тень от винтовки воина принимает форму деревянной рогатины, нацеленной в грудь корсиканца, на рогатине начертана дата «1812».

Высказывание «Наполеон потерпел поражение» называет прецедентную ситуацию в истории России. Между приведенным высказыванием и следующим за ним существует тесная связь на основе повтора. Указательное местоимение с частицей «то же» в позиции подлежащего во втором высказывании замещает наименование прецедентной ситуации: «То же будет и с зазнавшимся Гитлером!». Следует отметить, что «анафорический заместитель относится, по существу, не к отдельному слову в предыдущем предложении, а ко всему предыдущему предложению, в котором было использовано прямое наименование» [8. С. 112]. Во второй реплике сообщения прецедентная ситуация проецируется в будущее: сказуемое выражено глаголом в форме будущего времени. План будущего представлен в изобразительной части сообщения на переднем плане: Воин Красной Армии прикладом винтовки сбивает с ног Гитлера в наполеоновской треуголке, который в одной руке держит разорванный договор о ненападении, а в другой – пистолет, нацеленный на воина.

Два временных плана, созданные в пространстве карикатуры, четко разделены: ситуация из прошлого представлена театром теней, ситуация будущего разыгрывается персонажами во плоти, но в точности повторяет ситуацию 1812 г.

Другими словами, обращение к прецедентной ситуации способствует выражению основной идеи сообщения: ситуация 1812 г. повторится, '*поражение Гитлера – неизбежно*'.

Обращает на себя внимание устанавливаемая связь между личностью Гитлера и личностью Бонапарта: на голове Гитлера – наполеоновская треуголка¹, он отбрасывает тень, которая имеет портретное сходство с Наполеоном.

Перечисленные изобразительные элементы карикатуры можно определить как визуальную прецедентность [10. С. 114], а именно как изобразительную аллюзию на прецедентное имя «Наполеон», которая «намекает» на объединяющее Гитлера и Наполеона характерное свойство, типовую примету – стремление к мировому господству.

Комический эффект, создаваемый художниками посредством направленного искажения при изображении Гитлера и через соотношение размеров фигур Бонапарта и Гитлера (на фоне Наполеона Гитлер кажется карпаузом с несоразмерно маленькими ручками и ножками), позволяет карикатуристам передать их отношение к персонажу. Язвительная насмешка над изображаемым персонажем находит выражение в искажении черт его лица, которому они придают форму крысиной мордочки.

Сообщение рассматриваемой карикатуры отличается лаконичностью (два предложения к картинке), которая согласно вышеприведенному анализу обеспечивается вводом в сообщение прецедентного феномена, его обширными ассоциативными связями на лингво-когнитивном уровне языковой личности [11. С. 238].

Результаты ввода прецедентного феномена в текст Ю.Н. Караулов описывает следующим образом: «...ввод этот осуществляется подобно замыканию наведенной в сознании слушающего рефлекторной дуги, дуги условного рефлекса: намек (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушателя, прецедент вступает в игру» [Там же. С. 217].

Русский песенный фонд. Примером обращения к песне как прецедентному тексту, хорошо известному русской языковой личности, может служить одна из карикатур 1943 г. (рис. 2), которую Кукрыниксы подписывают первой строкой народной песни «Потеряла я колечко...»².

¹ Т.Е. Никольская, исследовавшая прецедентные феномены, истоком которых стала война 1812 г., отмечает, что треуголка является признаком прецедентного феномена «Наполеон» [9. С. 62].

² Приводятся только фрагменты текста песни, релевантные для анализа.

Рис. 2

*Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь,
Да, любовь, наверно,
Потеряла я любовь.
Как по этому колечку
Буду плакать день и ночь,
День и ночь, наверно,
Буду плакать день и ночь.
[.....]*

*Где тот миленький
дружочек,
Что словами улещал.
Улещал, наверно,
Что словами улещал?
[.....]
Сам уехал, меня бросил
И малютку на руках,
На руках, наверно,
И малютку на руках.*

*Как взгляну я на малютку,
Слезой горькой обольюсь,
Обольюсь, наверно,
Слезой горькой обольюсь.
Чрез тебя ли, мой дружочек,
Пойду в речку утоплюсь,
Утоплюсь, наверно,
Пойду в речку утоплюсь.
[.....]*

В сообщении в форме политической карикатуры обнаруживаются два референта. Один из референтов сообщения представлен лексемой «кольцо» в уменьшительной форме «колечко» в вербальной части сообщения и областью на карте, очерченной красной круговой линией, на заднем плане карикатуры. В контексте песни уменьшительное «колечко» реализует прямое значение лексемы «кольцо»: «украшение в форме ободка из твердого металла, надеваемое на палец» [12. С. 285]. Красная круговая линия на карте актуализирует другое значение данной лексемы, которое помечается в «Толковом словаре русского языка» как переносное «положение, когда кто-нибудь окружен кем-нибудь или чем-нибудь, замкнут круговой линией» [Там же] и реализуется, к примеру, во фразеологическом обороте «брать в кольцо», т.е. «окружать». Игра двумя значениями лексемы «кольцо», использование возможности проекции рассматриваемой лексемы на два разных представления на лингво-когнитивном уровне языковой личности, актуализирует у глагола «терять» не узкое значение «лишаться кого-нибудь, чего-нибудь по небрежности или роняя, оставляя неизвестно где» [Там же. С. 796], а его более широкое значение «лишаться кого-нибудь, чего-нибудь, переставать обладать чем-нибудь» [Там же]. Речь идет об окружении и уничтожении советскими войсками двадцати двух дивизий противника в ходе Сталинградской битвы и о сдаче в плен остатков 6-й немецко-фашистской армии 31 января – 2 февраля 1943 г. Обозначенный

факт является темой анализируемой карикатуры. Информация о факте окружения в привязке к особенностям ландшафта физической карты СССР передается изобразительными средствами.

Другой референт сообщения карикатуры представлен изображением Гитлера и личным местоимением «я» в вербальной части сообщения. С местоимением «я» согласуется глагол в грамматической форме, которая предполагает указание на лицо женского пола: песня, из которой заимствована строка, послужившая подписью к карикатуре, исполняется от лица женщины. Приписывание слов подписи Гитлеру подтверждается изображением большого головного платка, укрывающего голову и плечи персонажа. Демаскулинизация персонажа образует основание для создания комического эффекта в рассматриваемой карикатуре.

Устанавливаемая связь изображения Гитлера и первой строки народной песни побуждает адресата сообщения к поиску оснований для обозначенной ассоциативной связи. В контексте песни, к которой отсылают авторы сообщения в форме политической карикатуры, позицию дополнения при глаголе «*терять*» замещает лексема «*любовь*», которая обозначает сильное эмоционально окрашенное чувство. Песня написана от первого лица. Категория лица оформлена в тексте песни при помощи личного местоимения «я», глагольных окончаний первого лица единственного числа, притяжательным местоимением «*мой*». Жанр рассматриваемой народной песни и ее тема – «*страдания*». Глубину чувства, которое испытывает субъект переживаний, глубину его печали отражают словосочетания «*горькие слезы*», «*обливаться слезами*» во фразе «*слезой горькой обольюсь*» и словосочетание «*день и ночь*» в позиции обстоятельства времени во фразе «*Как по этому колечку буду плакать день и ночь*». Чувство безысходности находит выражение в принимаемом решении: свести счеты с жизнью «*Пойду в речку утоплюсь*».

В изобразительной части сообщения чувство безысходности, которое переживает персонаж, находит подтверждение и его облике: в мимике лица, в принятой позе и в состоянии его одежды. Вытянутое лицо приняло тоскливое выражение, уголки рта скорбно опущены вниз, персонаж закатил глаза и горестно склонил голову набок, подперев щеку кулачком. Его одежда потрепана, платок, укрывающий голову и плечи, – черного цвета, что в русской культуре является знаком траура.

Мы не можем не согласиться с И.Г. Гуляковой, которая, анализируя коммуникативный потенциал русской песни, выдвигает и обосновывает гипотезу, согласно которой в число прецедентных феноменов следует включить и мелодический рисунок [13. С. 229]. Обращение к народной песне обнаруживает апелляцию авторов не только к воспоминаниям о тексте песни, но и к памяти о звучании и обычной манере ее исполнения. С целью возбуждения верных ассоциаций в сознании получателя сообщения карикатуристы накидывают на голову и плечи Гитлера большой платок и сохраняют в подписи глагол в форме, предполагающей исполнение от лица женщины, выстраивая ассоциативную связь на представление о

народной исполнительнице. Песню «Потеряла я колечко...» народные исполнительницы монотонно поют с тоской и надрывом.

Вышесказанное подводит к выводу, что именно внутреннее состояние, чувственное переживание и его глубина образуют основание ассоциативной связи, которая намечается авторами строчкой из народной песни «Потеряла я колечко...», послужившей заголовком сообщения в форме карикатуры. Другими словами, отсылка к прецедентному тексту в заголовке в привязке к изображению персонажа на фоне карты образует основание для понимания адресатом основной идеи сообщения: безвыходность ситуации, сложившейся для группировки немецко-фашистской армии, оказавшейся в окружении. Упоминание первой строчки народной песни запускает механизм припоминания всего текста и связанных с ним эмоционально-чувственных переживаний. Эмоционально-оценочная нагрузка сообщения находит выражение в приписывании персонажу мужского пола реплики с глаголом в форме первого лица единственного числа женского рода, которая вынесена в заголовок карикатуры.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что отсылка к тексту народной песни «Потеряла я колечко...» в заголовке в привязке к изображению персонажа на фоне карты образует основание не только для правильного декодирования информации, заложенной в сообщении, но и для понимания ее эмоционально-оценочной составляющей.

Сфера-источник – литература. Проведенный в исследовании анализ примеров из сферы-источника «Литература» подтверждает верность наблюдений Ю.Н. Караулова, который отмечает, что «в дискурс языковой личности прецедентный текст редко вводится целиком, а всегда только в свернутом, сжатом виде – пересказом, фрагментом или же <...> намеком, семиотически» [11. С. 218].

Сказки. Название карикатуры «Арапские сказки немецкого верховного командования, или Тысяча и одна ложь», 1941 г. (рис. 3) представляет собой намек на название известного сборника волшебных сказок (его трансформацию [10. С. 114]) и сопровождается стихами С. Маршака, в которых упоминается имя искусной рассказчицы сказок – Шехеразады:

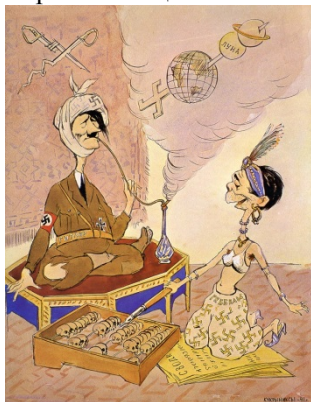

Рис. 3

*Фашистский сумрачный калиф,
Кальян душистый закурив,
Велел войти с докладом
Своим Шехеразадам.
И вот вошел Шехеразад
И прочитал ему доклад:
– Один немецкий пулемет
Разбил сто тысяч дотов
И триста тысяч девятьсот
Семнадцать самолетов!
Два «мессершмитта» на лету*

*Забрали в плен Алма-Ату
С воздушным заграждением,
С луной и затемнением...
Калиф прервал его доклад,
Прикрыв плотнее двери:
– А каковы, Шехеразад,
Немецкие потери?
– Калиф, ты задал мне вопрос
Весьма замысловатый,
Я на советский счет отнес
Немецкие утраты!*

В роли Шехеразады выступает Геббельс, демаскулинизация которого является одним из средств создания комического эффекта в рассматриваемой карикатуре. Его доклад состоит из противоречащих здравому смыслу, абсурдных утверждений, которые усиливают комический эффект и, судя по ответной реакции второго персонажа, обозначенной в вербальной части сообщения, вызывают вопросы даже у Гитлера. Он прерывает доклад и плотнее прикрывает дверь, задавая вопрос о немецких потерях. Отношение авторов к докладу Геббельса находит отражение в насыщении сообщения элементами, создающими нереальное пространство волшебной сказки, к которым можно отнести лексемы «*калиф*», «*кальян*», «*Шехеразада*» и их изображения, а также изображения головных уборов, одеяний и поз персонажей. Создавая нереальное пространство, в котором находятся нацистские лидеры в пространстве карикатуры, авторы акцентируют несоответствие представления о положении дел, которое сложилось в их сознании, реальности. То есть прецедентный феномен используется в модальной структуре сообщения как средство для введения авторской позиции.

С точки зрения выражения авторской позиции в сообщении представляет интерес трансформация словосочетания «*Арабские сказки*» в заголовке (в сильной позиции текста), которая дает дополнительную информацию для интерпретации. В вышеприведенном написании фразеологизм имеет значение 'что-нибудь удивительное, неожиданное, невероятное, экзотическое' и сопровождается пояснением: «*что-л. удивительное, неожиданное, невероятное, что можно сравнить с чудесами арабских сказок из сборника "Тысяча и одна ночь"*» [14. С. 638]. Лексема «*арап*» имеет переносное значение 'плут, мошенник' [12. С. 28] и служит выражению отрицательной оценки. Если принять во внимание, что слово «*сказка*» еще в XVIII в. использовалось в значении 'короткий рассказ', т.е. отчет, сжатый результат какого-либо дела, повествования [14. С. 638], то вышеприведенное словосочетание получает толкование 'доклад плута / мошенника' и несет отрицательную оценку. Если в рассмотренном случае отрицательная оценка имплицитно выражается в заголовке, то замена в узнаваемом наименовании сборника сказок слова «*ночь*» лексемой «*ложь*» со значением 'намеренное искажение истины, неправда, обман' [12. С. 331] выражает ее эксплицитно. Другими словами, рассмотренный пример иллюстрирует использование прецедентного текста для выражения субъективно-оценочной модаль-

ности в той интерпретации данного явления, которая дается И.Р. Гальпериным [15. С. 113–123].

Басни. Эмоциональная оценка находит выражение в карикатуре «Крыловская мартышка о Геббельсе» (1944 г.). Заголовок определяет тему сообщения: мнение о Геббельсе. На карикатуре изображена мартышка, рассматривающая портрет Геббельса, которая, как и в басне И.А. Крылова «Мартышка и зеркало», выступает субъектом оценки (от нее исходит суждение) [16, С. 22]. Карикатура подписана трансформированной цитатой из басни И.А. Крылова «Мартышка и зеркало», в которой сформулировано ее мнение: «*Я удавилась бы с тоски, когда бы на него¹ хоть чуть была похожа*» «*Я бы скорее лишила себя жизни, чем жила, обладая такими внешними данными*». Следует упомянуть, что, изображая Геббельса, Кукрыниксы используют образ мартышки и в других карикатурах («Убийца по совместительству», 1943 г.; «Последний номер программы», 1944 г.) по тому же основанию, намекая на его непрезентабельную внешность. Создание комического эффекта основывается на выдвигании подмеченного карикатуристами сходства Геббельса с мартышкой. Высказывание «*Я удавилась бы с тоски, когда бы на него хоть чуть была похожа*» включает в себя придаточное предложение, в котором дается обоснование эмоциональной реакции, обозначенной в главном предложении лексемой «*тоска*» со значением «*тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога*» [17. С. 557]. Высказывание представляет собой оценочный вывод [16. С. 33] и попытку интроспекции, «переключения» во внутренний мир персонажа [18]. По существу, попытка определения душевного состояния персонажа, причиной которого может быть осознание своей ущербности, представляет собой исследование природы ненависти к себе подобным как определяющей характеристики одного из идеологов Третьего рейха.

Художественная проза. Используя в качестве подписи к одной из карикатур 1943 г. (рис. 4) название поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», художники выстраивают ассоциативные связи с литературным героем и сюжетом, которые известны русской языковой личности со школьной скамьи. Ассоциативные связи в сознании языковой личности, активированные заголовком, укрепляются, а сюжет, на который проецируется заголовок, обыгрывается в стихотворении С.Я. Маршака, которое, образуя единство с изобразительной частью карикатуры, проникнуто бичующей, гневной, негодующей иронией, переходящей в сарказм.

Поводом для карикатуры стало сообщение Берлинского радио 3 марта 1943 г. о том, что Геббельс принял представителей гарнизона города Великие Луки, которые рассказали о том, как проходила защита крепости внутри города. Вместе с тем известно, что советские войска полностью уничтожили немецкий гарнизон города Великие Луки, а его жалкие остатки, включая коменданта города, подполковника Эдуарда фон Засса, были взяты в плен.

¹ Измененный элемент в цитате подчеркнут.

Рис. 4

*В министерстве пропаганды
Трубачи играют туш.
Входят сборные команды
Оживленных мертвых души.
Новый Чичиков проворный
Мановеньем ловких рук Вызвал тени из
Касторной,
Мертвецов Великих Лук.
Он их вызвал для парада,
Чтоб всемирная печать
Убедилась, что не надо
Их погибшими считать.
Новый Чичиков – моложе
И наивнее, чем тот:
Он купил товар дороже
И дешевле продает!*
(С. Маршак)

В сообщении карикатуры выделяются несколько референтов. Первый референт представлен изображениями могильных крестов, увенчанных немецкими касками, и скелетов в обмундировании немецкой армии, а также вербальными обозначениями «мертвые души» (название карикатуры), «сборные команды оживленных мертвых души», «тени из Касторной», «мертвецы Великих Лук», «погибшие», «товар». Весь ряд обозначений, кроме последнего, выводит на концепт СМЕРТЬ. Лексема «тень» в ряду перечисленных наименований реализует значение «призрак» [12. С. 794], которое также находится в области ассоциативных связей данного концепта.

Последняя лексема номинативного ряда «товар» тесно связана с характеристикой действий, предпринятых министром пропаганды и президентом имперской палаты культуры Геббельсом, изображение которого вместе с наименованиями «новый Чичиков», «он», «новый Чичиков», «он» образуют номинативную цепочку второго референта. Прилагательное «новый» в позиции согласованного определения перед именем собственным «Чичиков», судя по контексту, реализует значение «еще один». Данное значение поддерживается сравнительным оборотом при прилагательных в сравнительной степени «Новый Чичиков – моложе и наивнее, чем тот». Употребление прилагательного в сравнительной степени предполагает уточнение признака относительно некоторой точки отсчета (эталона) [19. С. 178], на которую указывает местоимение «тот». Как отмечается в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, местоимение «тот» «указывает на что-н. удаленное в пространстве или во времени, а также на уже упоминавшееся в речи и уже известное» [12. С. 805]. Другими словами, помещая в сравнительном обороте в позицию эталона указательное местоимение, С.Я. Маршак апеллирует к знаниям адресата о «том» Чичикове, персонаже поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», предполагая в качестве адресата сообщения личность, в «культурной памяти» которой хра-

нятся данные знания. Указанные обстоятельства свидетельствуют об использовании имени собственного «Чичиков» как прецедентного имени, как регулятивного знака. Использование имени собственного как средства регулятивности¹ позволяет «управлять» интерпретационной деятельностью адресата сообщения, направлять поиск оснований для сравнения Геббельса с Чичиковым.

Одно из направлений в поиске оснований для сравнения задается заголовком карикатуры «Мертвые души», одноименным с заголовком поэмы Н.В. Гоголя, и лексемой «товар» в сочетании с глаголами «покупать» – «продавать». Павел Иванович Чичиков, коллежский советник в отставке, который занимается скупкой так называемых «мертвых душ» (письменных сведений об умерших крестьянах) для заклада их как живых в ломбард и приобретения веса в обществе, характеризуется как аферист и мошенник [21. С. 27]. Геббельс подобно Чичикову оперирует с «мертвыми душами»: он «оживляет» немецких солдат, погибших в ходе Великолукской операции Красной армии. Афера с «мертвыми душами», попытка построить свой трехэтажный дом на украденные пожертвования на Храм в память о победе над Наполеоном, который должен был стать символом подвига русских воинов, раскрывает сущность Чичикова как агента дьявола, как человека, для которого нет ничего святого [Там же. С. 28]. Геббельс тоже не гнушается ничем в достижении своих целей, он демонстрирует отсутствие уважения к погибшим немецким солдатам: они для него только «товар», разменная монета, которую он использует в решении политических вопросов. Как отмечает В.К. Васильев, «демоническая природа Чичикова в абсолюте проявлена в эпизоде его разговора с Плюшкиным, когда он едва скрывает радость, услышав, что горячка выморила «со дня подачи последней ревизии» «до ста двадцати» душ [21. С. 30]. Геббельс даже более безнравственен и аморален, чем Чичиков: «Он купил товар дороже / И дешевле продает». Будучи одним из идеологов Третьего рейха, Геббельс несет ответственность за смерть немецких солдат, которые отдали свои жизни за идеи национал-социализма, поборником которых он являлся. Именно он был одним из тех, кто отправил немецких солдат туда, где они сложили свои головы.

Известно, что гоголевский Чичиков больше всего боится общественного мнения. Геббельс затевает аферу с «оживлением» представителей гарнизона, чтобы не терять лица в обществе, «чтоб всемирная печать убедилась, что не надо их погибшими считать».

Ряд наименований, использованных поэтом в первой части стихотворения («играть туш» – «оживление мертвых» – «мановение ловких рук» – «вызов теней / вызов мертвецов» – «парад»), активизирует еще один вектор ассоциативных связей. Перечисленные слова и словосочетания в той по-

¹ Регулятивность определяется как «системное качество текста» (Е.В. Сидоров), «отражающее способность текста «управлять» интерпретационной деятельностью адресата в соответствии с интенцией автора» (Н.С. Болотнова) (цит. по: [20. С. 75]).

следовательности, в которой они располагаются в стихотворении, ассоциируются с выступлением иллюзиониста, исполнением трюка цирковым артистом, выполняющим фокусы, которые основаны на ловкости рук. Для обозначения последнего в русском языке может использоваться слово «манипулятор». «Новый Чичиков» манипулирует мнением общественности, выдает желаемое за действительность, проявляя склонности своего прототипа, который «не делает ничего, кроме как лжет, лжет и на каждом шагу лжет» [21. С. 31].

Апелляция авторского коллектива карикатуры к образу Чичикова позволяет расширить рамки сообщения за счет его обширных ассоциативных связей в «культурной памяти» адресата и «интертекстуальной сверхдетерминации прецедентного феномена» [22. С. 214], обусловленности «текста множеством накладывающихся друг на друга интертекстуальных связей» [23. С. 120]. В заключение хотелось бы отметить, что, по наблюдениям исследователей прецедентных феноменов, литература является «хранителем и ретранслятором культурного кода России» [24. С. 19; 25. С. 104; 26. С. 147].

Заключение

В карикатурах Великой Отечественной войны используются прецедентные феномены из следующих областей: история Отечества, русский песенный фонд, литература. Последняя сфера-источник представлена субсферами: сказки, басни, художественная проза.

Анализ функций прецедентных феноменов в сообщении показал, что они являются элементами структур текста (референтной, темпоральной, локальной и модальной) и участвуют в выражении текстовых категорий сообщения. Являясь элементом референтной структуры текста, прецедентные феномены способствуют уточнению характеристик референтов текста, раскрытию замысла сообщения. Прецедентные феномены, проецирующиеся на определенные точки временной оси в истории России, могут использоваться как темпоральные показатели, как косвенные ретроспективные ссылки, реконструировать направление в прошлое, т.е. участвовать в темпоральной организации текста. Выступая элементом локальной структуры текста, прецедентные феномены позволяют создать пространство карикатуры, зримую, наполненную деталями картину. В модальной структуре сообщения прецедентные феномены используются как средство для введения в сообщение авторской позиции.

Многоплановость ассоциативных полей прецедентных феноменов как свойство, которое образует основание для интерпретации, и особенность ввода прецедентных феноменов в сообщение (семиотически) дает авторам карикатур возможность в емкой и лаконичной форме донести до адресата основную идею сообщения и передать его эмоционально-оценочную составляющую.

Литература

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Академия, 2003. 128 с.
2. *Валгина Н.С.* Теория текста. М. : Логос, 2004. 280 с.
3. *Борботько В.Г.* Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. 2-е изд., стер. М. : КомКнига, 2007. 288 с.
4. *Демьянков В.З.* Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. М., 1982. Вып. 2. 90 с.
5. *Красных В.В.* Свой среди чужих: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
6. *Ноздрина Л.А.* Поэтика грамматических категорий. М. : ТЕЗАУРУС, 2004. 212 с.
7. *Денисова Г.Л.* Категория времени в политической карикатуре // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 53. С. 51–69.
8. *Левцкий Ю.А.* Лингвистика текста. М. : Высш. шк., 2006. 207 с.
9. *Никольская Т.Е.* Отечественная война 1812 года в языковом сознании XXI века // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 30. С. 57–65.
10. *Исаева Л.А., Буданова С.Г., Рябинина А.Г.* Пушкинская традиция как прецедентный феномен в современных медиатекстах // Вестник верского государственного университета. Серия Филология. 2016. № 2. С. 112–127.
11. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 263 с.
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
13. *Гулякова И.Г.* Русская песня в системе международных стратегических коммуникаций // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4. С. 229–234.
14. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005. 926 с.
15. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 9-е изд. М. : URSS : Ленанд, 2016. 139 с.
16. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М. : КомКнига, 2006. 280 с.
17. *Словарь синонимов русского языка* : в 2 т. Л. : Наука, 1971. Т. 2. 856 с.
18. *Денисова Г.Л.* Интроспекция во внутренний мир персонажа средствами сравнения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 73–76.
19. *Денисова Г.Л.* Компаративное высказывание в познании мира. Тольятти : ВУиТ, 2007. 433 с.
20. *Карпенко С.М.* Прецедентное имя как средство регулятивности в газетно-публицистических текстах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 75–79.
21. *Васильев В.К.* К семантике образа и жизнеописания Чичикова. Чичиков и Гоголь // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 26–30.
22. *Марченко Т.В.* Лингвопрагматические особенности становления и функционирования прецедентного феномена в англоязычном политическом дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 213–219.
23. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : Институт социального образования, 2007. 207 с.
24. *Клинг О.А.* Литература – хранитель и ретранслятор культурного кода России // Слово.ру. Балтийский акцент. 2012. Вып. 3, № 4. С. 19–20.
25. *Богуславская В.В., Ивушкина А.Д.* Актуализация прецедентных феноменов в Российском газетно-журнальном дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 103–108.

26. Нахимова Е.А. Прецедентные имена, восходящие к текстам Н.В. Гоголя, в современной коммуникации // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 143–148.

Precedent Phenomena in the Great Patriotic War Political Cartoon as a Creolized Text *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2020. 65. 77–91. DOI: 10.17223/19986645/65/5
Galina L. Denisova, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: g.denisova@ttsu.ru

Keywords: political cartoon, creolized text, text categories, precedent phenomenon, precedent text, precedent situation, precedent name, source spheres of precedent phenomena.

The article deals with precedent phenomena in the Great Patriotic War political cartoons as a creolized text. The author determines source domains and functions of the precedent phenomena in the messages of the cartoons in connection with the period of the Great Patriotic War. Considering political cartoons as a creolized text, the author makes use of methods which linguists apply to verbal texts during the analysis of messages in the form of a political cartoon. First of all, it is L.A. Nozdrina's method for text structure analysis, which is complemented by definitional, semantic, and contextual analyses when lexical meanings of words are studied. As a result of the analysis, it has been revealed that precedent phenomena from the following source domains are used in the cartoons: the history of the Homeland, the Russian song fund, and literature. The latter source domain is represented by subgroups: fairy tales, fables, and the artistic prose. The analysis of the functions of precedent phenomena in the messages has shown that the precedent phenomena are elements of referential, temporal, local, and modal text structures, and they participate in the expression of the textual categories of the message. As an element of the reference structure, the precedent phenomenon contributes to the characterization of text referents and to the disclosure of the main idea of the message. Precedent phenomena, projected on certain points of the time axis in the history of Russia, can be used as temporal indicators, as indirect retrospective links to reconstruct the direction to the past, i.e. they participate in temporal text organization. Precedent phenomena as elements of the local structure make it possible to create a specific space of the political cartoon, a visible picture filled with details. In the modal structure of the message, precedent phenomena are used for introducing the author's position into the message. The multiplicity of associative fields of the precedent phenomena as a property that forms the basis for interpretation (which presupposes certain knowledge on the part of the addressee), and the specific character of these phenomena's insertion into the message (semiotically) give the authors of political cartoons an opportunity to deliver the main idea of the message to the addressee in a capacious and laconic form and to express its emotional and evaluative component.

References

1. Anisimova, E.E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the Text and Intercultural Communication (based on creolized texts)]. Moscow: Akademiya.
2. Valgina, N.S. (2004) *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow: Logos.
3. Borbot'ko, V.G. (2007) *Printsipy formirovaniya diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [The Principles of Discourse Formation: From psycholinguistics to linguosynergetics]. 2nd ed. Moscow: KomKniga.
4. Dem'yankov, V.Z. (1982) *Anglo-russkie terminy po prikladnoy lingvistike i avtomaticheskoy pererabotke teksta* [English-Russian Terms on Applied Linguistics and Automatic Text Processing]. Vol.2. Moscow: Vsesoyuznyy tsentr perevodov.
5. Krasnykh, V.V. (2003) *Svoy sredi chuzhikh: mif ili real'nost'?* [Alien Among Own: Myth or Reality?]. Moscow: Gnozis.
6. Nozdrina, L.A. (2004) *Poetika grammaticheskikh kategoriy* [Poetics of Grammatical Categories]. Moscow: TEZAURUS.

7. Denisova, G.L. (2018) The time category in a political cartoon. *Mir lingvistiki i komunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal – World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. 53. pp. 51–69. (In Russian).
8. Levitskiy, Yu.A. (2006) *Lingvistika teksta* [Linguistics of Text]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Nikol'skaya, T.E. (2015) Russia's Patriotic War of 1812 in the linguistic consciousness of the 21st century. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova – Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 30. pp. 57–65. (In Russian).
10. Isaeva, L.A., Budanova, S.G. & Ryabinina, A.G. (2016) Pushkin tradition as a precedent phenomenon in modern media text. *Vestnik TvGu. Seriya "Filologiya"*. 2. pp. 112–127. (In Russian).
11. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and Language Persona]. 7th ed. Moscow: Izd-vo LKI.
12. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: ITI TEKHNOLOGII.
13. Gulyakova, I.G. (2018) Russian song in a system of international strategic communications. *Strategicheskies kommunikatsii v biznese i politike*. 4. pp. 229–234. (In Russian).
14. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.
15. Gal'perin, I.R. (2016) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. 9th ed. Moscow: URSS: Lenand.
16. Vol'f, E.M. (2006) *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: KomKniga.
17. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1971) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
18. Denisova, G.L. (2009) The introspection into a personage's inner world by the means of simile. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*. 2. pp. 73–76. (In Russian).
19. Denisova, G.L. (2007) *Komparativnoe vyskazyvanie v poznanii mira* [Comparative Statement in the Knowledge of the World]. Tol'yatti: Volzhsky University after V.N. Tatischev.
20. Karpenko, S.M. (2018) Associative potential of precedent texts in media discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (191). pp. 75–79. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-102-108
21. Vasil'ev, V.K. (2010) On the Image and Biography of Chichikov. Chichikov and Gogol. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 26–30. (In Russian).
22. Marchenko, T.V. (2018) Linguopragmatic peculiarities of precedent phenomenon coining and functioning in English political discourse. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 2. pp. 213–219. (In Russian).
23. Nakhimova, E.A. (2007) *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent Names in Mass Communication]. Yekaterinburg: Institut sotsial'nogo obrazovaniya.
24. Kling, O.A. (2012) Literature: Keeping and Transmitting Russian Cultural Code. *Slovo.ru. Baltiyskiy aktsent – Slovo.ru: Baltic Accent*. 3 (4). pp. 19–20. (In Russian).
25. Boguslavskaya, V.V. & Ivushkina, A.D. (2018) Precedent texts in contemporary print media: content analysis and main functions. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 3. pp. 103–108. (In Russian).
26. Nakhimova, E.A. (2007) Precedent names dating back to texts by N. Gogol in modern communication. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3 (23). pp. 143–148. (In Russian).